

ЛЕЗВИЕ ЭРЫ

ВЛАА
РАЙБЕР

16+

Влад Райбер Лезвие Эры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65668070

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-96064-0

Аннотация

Год спустя Эра по-прежнему ничего не помнит, но быстро адаптировалась к повседневной жизни. Она ходит в школу, не отстает от других подростков и, кажется, совсем от них не отличается. Однако с каждым днем она всё острее чувствует, что Земля – не её родина. Девочке предстоит столкнуться не только с подростковыми трудностями, но и узнать о том, кто она на самом деле и для чего пришла в этот мир.

Содержание

Глава 1. Ангел на операционном столе	4
Глава 2. Над землёй	31
Глава 3. Кровавый эстамп	45
Глава 4. Гадость	66
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Влад Райбер

Лезвие Эры

Глава 1. Ангел на операционном столе

Застыв в неудобной позе, Инна дремала, прижавшись щекой к холодному стеклу. От напряжения лицо молодой женщины казалось сердитым: брови сдвинуты, губы поджаты, отчетливо видна каждая из первичных морщинок. Женщина то вздрагивала, то съеживалась, как котенок, хотя спать в автобусе по дороге на работу было для нее привычным делом. Ей снилось море. Женщина никогда не была на юге, но в эту минуту ей вдруг пригрезилось, будто её тело из стороны в сторону качают бесшумные темно-синие волны. Тревожный сон. Без мыслей и сюжета. Инна балансировала на волнах сна и реальности, пока автобус здорово не встряхнуло, подбросив на ухабе. Женщина тут же проснулась, едва не соскользнув с сидения в проход. В этот миг ей показалось, что её подхватил мощный прилив и вышвырнул из воображаемой морской пучины.

Очнувшись, Инна ощутила тяжесть в висках и легкую тошноту – привычные последствия беспокойного сна. Жен-

щина приложилась лбом к запотевшему от дыхания стеклу, пытаясь окончательно избавиться от одолевающей дремоты и выкинуть из головы неприятное сновидение. Но среди мелькающих огней за окном и чуть смазанных очертаний елей утопающего в сумерках городского парка ей все еще мерещились кипящие темные волны. И почему в этом тихом сумраке висит ощущение беспокойства? Ведь впереди точно такая же тихая ночь, такая же, как была вчера, в которую, как обычно, ничего не произойдет. Пусть и бессонная ночь.

Очередная ночная смена в больнице – рутинное дело для медсестры со стажем. А ведь когда-то эти дежурства казались Инне тяжелыми. Совсем ещё тогда молоденькой была. Как Марина сейчас. И такая же была пугливая, суешила то и дело, боялась что-нибудь перепутать. Но то была совсем другая Инна, не та, что сейчас – отрешенная и замкнутая. Даже общение с людьми потеряло всякий соблазн. А ведь была ещё той сплетницей. Где теперь это всё? Где та прежняя Инна? Веселая, жизнелюбивая. Ничего не интересно, ничего не нужно. Ненавистные ночные смены и те стали куда предпочтительней пустой квартиры, где уже несколько лет висит жестокая тишина. Инна боялась этой тишины. Она напоминает о пережитом горе. Даже сейчас, спустя годы, боялась остаться с собой наедине. Но в то же время она вовсе не испытывала жажды общения. Достаточно обменяться приветствиями с коллегами, обмолвиться парой слов с этой неугомонной выпускницей медицинского колледжа Мариной, ко-

торая то и дело докучает глупыми вопросами. А ведь эта девушка единственная, кто не замечает нелюдимость Инны. «Странная она, неопытная. Суетится из-за мелочей. Нашла кого поставить в авторитеты», – вдруг подумала женщина, и в дремлющем сознании мелькнуло улыбочное лицо юной девчонки.

А ведь такой могла стать ее дочь. Тоже бы окончила колледж, а может быть, и институт, стала бы настоящим врачом, как мечтала сама Инна ещё до беременности. Могла вырасти, повзрослеть. Если бы не эта ужасная трагедия... С того дня все окрасилось в черные тона. Все потеряло смысл. Будто бы Инна сама умерла вместе со своей маленькой девочкой. Первые несколько месяцев было особенно тяжело. Не только ей. Мама Инны сильно убивалась, даже винила себя в произошедшем. Подчас казалось, что бабушка скорбит по внучке вдвое сильнее. На самом деле она просто не сдерживала своих эмоций. Инна же все намеренно держала в себе и выглядела спокойной. Вскоре умерла и мать Инны.

– От горя, – уверенно заявляли соседские старушки.

Нет, мама умерла от инсульта. Кому, как не Инне, было знать, что умереть от горя, увы, нельзя. Как бы ни был силен этот яд, он лишь вызывает агонию, но не убивает. Потерю мамы Инна перенесла легче. Это было ожидаемо. И в этот раз смерть не принесла горечи. Напротив, ураган эмоций зачах, и в сердце вселилась пустота. Однако Инна продолжала ходить на работу, а также не изменяла своим увлечениям: слу-

шала музыку, читала книги и даже иногда посещала кинотеатр, но это была уже не она. Совсем не та. Это была женщина с потухшими глазами. Ничего не осталась в пустой оболочке, душа рваной тряпкой повисла где-то далеко в прошлом, зацепившись за своё несчастье. Кратковременные проблески сознания случались изредка. Бывало, что женщина сама пугалась собственной меланхолии. Даже пыталась утешать себя верой в то, что время способно заживить раны. Однако минуло больше двух лет с тех пор, как её дочери не стало, а боль не утихла. В конце концов, Инна научилась уживаться с этим, но не привыкла. Как оказалось, существует боль, которая не проходит никогда. Такие раны не заживают, а лишь покрываются тонкой корочкой. Стоит лишь коснуться ее, и она вновь будет кровоточить. Оставалось лишь терпеливо проживать свой собственный срок без всякого интереса к жизни и без какой-либо цели. Казалось, другого варианта не было. Да и нужен ли он, другой вариант?

Автобус шумно закряхтел, сбавил ход и лениво подполз к остановке. Вновь задремавшая Инна ударилась о спинку переднего сидения, вскочила с места и поспешила покинуть салон, пока двери не захлопнулись. Подмигнув напоследок красными огоньками габаритов, «желтенькая буханка» медленно уплыла в темноту, оставив после себя облако едкого дыма. Инна застыла у полустертой зебры. Замерла, словно статуя, устремив деспотичный взгляд сквозь небесное пространство. Будто исчезла на какое-то время, и улица стала

совсем пустой.

Инне вдруг вспомнилось то редкое явление, что ей сегодня посчастливилось увидеть. Странно, от чего это вдруг всплыло в голове? Когда увидела, и внимания не обратила, а сейчас оцепенела, будто вспомнила что-то очень важное. Падающая звезда. Яркая линия на фоне темного неба. Мелькнула и пропала. Точно так же, как и впечатление Инны – женщина забыла увиденное сразу же после того, как явление исчезло. Но почему вспомнила сейчас, спустя полчаса? Что-то внутри затрепетало, и её пронзило какое-то странное, давно забытое чувство... Что это? Волнение? Женщина попыталась отбросить от себя эти мысли, но ничего не получилось. Падающая звезда снова и снова в ее сознании срывалась с неба и исчезала где-то далеко за макушками деревьев старого городского парка. Было в этом какое-то волшебство. Нечто манящее, даже интригующее. Когда падают звезды, люди загадывают желания. Какой вздор! И всё-таки...

Но разве в чахлом, законсервированном, измученном болью, а может быть и вовсе давно утерянном сердце есть место для каких-то желаний? Ну, разве что выпить кофе и съесть что-нибудь сладкое? Что ещё? Больше никаких желаний, никаких предпочтений. Когда последний раз мысли были заняты мечтами? Было ли такое вообще когда-нибудь? Должно быть, да. Было, но очень давно. От чего это волнение? Неужели хочется вспомнить об умении мечтать? Долж-

но же быть что-то такое, чего очень хочется. А быть может, всё на самом деле просто? Да! И почему эта мысль раньше не приходила ей в голову? Почему, потратив столько времени на поиски спасения от скорби, она ни разу не подумала об этом? Жизнь может снова наполниться смыслом, если Инна снова станет мамой. Разве нет? Может быть, и глупая, однако очень простая мысль. Безумие! Предательство! Но все-таки шанс на спасение. Жизнь снова может стать жизнью. Разве это не прекрасно? В душе женщины блеснула волнующая искорка, необъяснимое трепетное чувство захлестнуло ее. А ведь она, и правда, хочет этого! Хочет иметь ребенка, заботиться о нем, посвятить ему свою жизнь, и это желание вполне осуществимо. Она ведь ещё молода. Ей всего двадцать восемь, выглядит даже моложе своих лет. Она привлекательна. Несомненно, привлекательна для мужчин... «Нет, только не мужчины!» – Инна вдруг осеклась, а ведь уже почти поверила в правильность своих размышлений. Ещё немного – и у неё бы появилась мечта, но внезапно накатившая надежда утратила свою привлекательность, как только женщина вспомнила своего первого и единственного мужчину.

Инна всегда вспоминала его с большой неохотой. Он вообще не был плохим человеком, напротив, этот парень испытывал к молоденькой медсестричке искренние чувства, и намерения его были вполне серьезными. Это было заметно. Однако Инна не могла ответить тем же. Тогда-то она и усво-

ила, что, увы, никогда не сможет ужиться с женщиной. Не хотелось обижать кавалера, вот и принимала его ухаживания, стараясь быть благодарной. Тем не менее, однажды всё-таки пришлось разбить сердце молодому человеку. Появилась веская причина, ставшая радостью и потрясением для Инны. В двадцать лет Инна узнала о своей беременности. А тот парень так и не узнал, что был отцом. Не узнал о рождении малышки. Повезло ему всё-таки, что ничего не узнал.

Инна отбросила свои размышления. Теперь они казались абсурдными, однако что-то внутри подсказывало ей, что она еще вернется к этим мыслям. Вряд ли когда-нибудь сделает шаг к их осуществлению, но будет терзать себя фантазиями о ребенке.

Женщина вдруг обнаружила, что дрожит от холода. Сколько же времени она так простояла на пустой улице? Должно быть, не меньше десяти минут. Эти странные мысли ввели её в ступор. Отпечаток от бушующих эмоций никак не хотел исчезать. Инна вспомнила, что существует ещё искусственное оплодотворение. «Или ребенка, в конце концов, можно усыновить... Глупости какие в голову лезут», – думала Инна, шагая в сторону темной фигуры четырехэтажной больницы. Оказывается, и несчастье может стать обыденностью, которую не так просто сразу поменять на что-то иное.

Войдя в госпиталь через приемный покой, Инна тут же столкнулась с Мариной. Девушка медленно брела по сумрачному коридору с подносом в руках. При каждом шаге белые

полы ее незастегнутого халата разлетались в разные стороны. Вид у неё был какой-то нездоровый: бледное лицо её в подрагивающем свете казалось чуть зеленоватым. Тонкие руки, сжимающие края подноса, слегка тряслись, словно от тяжести, хотя на подносе были лишь пара шприцов, иглы и трубки для внутривенного вливания.

– Привет, – тихо сказала Инна.

– Ой, здравствуйте, – опомнилась девушка, будто бы только заметила женщину.

Что-то с ней сегодня не то. Вялая какая-то, обессиленная, но возбужденна, судя по лицу. Глаза так и бегают. Видимо, снова пришлось выполнять то, чего не было на практике в колледже. Ох уж эти впечатлительные новички.

Марина остановилась в нескольких шагах от Инны и впиалась в нее огромными, как у рыбы, глазами. И вправду напугана, даже подбородок трясется, а поднос так и лязгает от дрожи.

– Чего ты? – удивилась женщина. – Забыла куда шла?

– Игорь Викторович, – только и смогла произнести Марина.

– Что Игорь Викторович? Ты какая-то странная сегодня. Заболела? – процедила женщина.

– Нет, нет! Я здорова! Со мной всё хорошо! – словно сама себя убеждала девушка.

На самом деле сейчас Инне не было дела до молодой медсестры. Какая разница, чем на этот раз озадачил Марину

главврач, ей сейчас все в новинку, всё страшно, всё непонятно. Пусть привыкает. Хватит уже стажировки, и так с ней бегала, как курица с яйцом, пора бы уже Марине самой руку набивать. Пусть к самостоятельности приучается.

Инне совсем не хотелось сразу же нырять в работу, не успев переодеться и толком согреться. Лучше бы сейчас сесть куда-нибудь в теплый уголок. Пусть даже на пост дежурной. Ночью всё равно редко кто-то вызывает. Хорошо бы посидеть в тишине и покое, полистать старенький журнальчик. Что угодно, лишь бы не суета. Но молодой медсестре, очевидно, было чем поделиться. Всем своим видом Марина давала понять, как хочет, чтобы женщина поинтересовалась, чем она так взволнована.

– У нас тут такое творится, – так и не дождавшись вопроса, сказала Марина. – Вы просто не поверите!

– Что же? – Инна сдвинула брови, изобразив заинтересованность. Хотя на самом деле только и думала, как поскорее отвязаться от Марины и пройти к гардеробу.

– Пациент у нас в тяжелейшем состоянии, – едва ли не шепотом сказала Марина. – Ничего подобного никогда не видела!

Теперь молодой девушке удалось заинтриговать Инну: «Это печально. Что произошло-то с беднягой?».

Марина приблизилась к женщине ещё на шаг и, встав на цыпочки, горячо зашептала ей на ухо, словно старой подруге:

– Тут такое дело. Ужас! Не знаю, как и объяснить... Не поверите!

– Да подожди ты, – Инна взяла Марину за плечи и оттеснила в сторону, та даже уронила поднос.

– Вот растяпа! Дай хоть пальто сниму! И мы, по-моему, давно уже на ты перешли. Что ты мне всё выкаешь?

– Постойте, постойте, – чуть ли не вприпрыжку понеслась медсестричка за Инной по коридору. И поднос поднять не потрудилась. – Вы бы... Ты бы видела! Она же вся в ожогах. Как уголь, черная, живого места нет. Но живая! Дышит! Да и кости все переломанные. Говорят, свалилась откуда-то. Уж не с неба ли!

– Кто?!

– Я же рассказываю, а Вы... Ты!.. Ничего не слушаешь. Девочка какая-то. Сто процентов ожогов и жива.

– Бедненькая, – серьезно сказала Инна. Ей и впрямь было жаль ребенка. – Сейчас-то уж, наверное, умерла уже. Странно, что вообще живой доставили. С такими ожогами не выживают...

– Да нет же! Живая она. Давно уже привезли, а она всё жива. Представляете?! Я видела всё это своими глазами. Она, как уголь.

Марина так и юлила вокруг, так и подпрыгивала на месте. «Не померещилось ли ей чего-нибудь от шока? Молода она ещё, чтобы холодно наблюдать жертв несчастных случаев. Не мешало бы ей сейчас успокоительного принять», – по-

думала Инна.

– Упокойся ты, Марин. Так не бывает. Колледж свой вспомни. Ожоги любой степени площадью более пятидесяти процентов несовместимы с жизнью, – попыталась вразумить Инна, процитировав медицинский справочник. – А если обуглено всё тело, то тут и говорить не о чем. Даже самый непутевый первокурсник это знает. Вспомни про первичную остановку дыхания от высокой температуры. А ожоговый шок? А дыхательная недостаточность?

«Нет, видимо бедная девочка и впрямь не в себе. Надо бы её успокоить», – женщина сняла с плеча сумочку – где-то на дне должен быть пузырек с валерьянкой. И Тарину надо сказать, чтобы пока не брал малолетку на подобные операции. Рано ей ещё, тут особая подготовка нужна.

– Эта девушка до сих пор жива, кроме того, у неё нормальный пульс и температура. Она там – в операционной – лежит, одна, – не унималась Марина. – А Игорь Викторович убежал. Сказал, что-то понесет в лабораторию анализировать. А я одна, я боюсь!

– Что?! Тарина нет? Куда его понесло? – не на шутку удивилась Инна.

Даже разволновалась. Внутри всё сжалось от какого-то странного предчувствия, и в мыслях почему-то снова мелькнула та самая падающая звезда. Будто бы не случайно.

– Убежал! Говорю тебе!

– Куда?!

– Не знаю! Сказал в лабораторию какую-то.

– И ты одна? Кто ещё есть?

– Вы... Ты и я. Ольга Юрьевна не вышла сегодня. Других врачей тоже нет, давно на какой-то вызов уехали. В перевязочной, может, кто-нибудь дежурит. Ну, и охранник. Спит, – Марина уже чуть ли не заикалась. – С девочкой-то что делать? Я туда не пойду. Я боюсь до смерти!

– Так-так, успокойся ты, наконец, – сказала Инна, хотя сама едва не дрожала от волнения. – Раз такое дело. Сейчас пойду и посмотрю, а ты иди, посиди где-нибудь. Игорь Викторович, наверное, скоро вернется, если уже не вернулся.

– И лицо всё черное, и руки. Страшно! – уже громче произнесла Марина.

Женщина наспех расстегнула пальто, швырнула его вместе с сумочкой на стул, на котором в дневные смены сидит гардеробщица. Вдруг девочка правду говорит? Что такое могло произойти, от чего даже главврач пришел в замешательство? Вот дела!

– Марин, иди-иди, отдыхай скорее. Сейчас я погляжу, позвоню кому-нибудь.

Но девушку словно прорвало:

– Тот парень, который скорую вызвал... Ну, он эту девочку нашел. Говорил, что она сверху свалилась. В огне! Прямо перед его ногами упала.

Как только Инна услышала эти слова, её сердце встрепнулось, как испуганный кролик. Падающая звезда, словно

мечом, рассекла небо на две части и исчезла за макушками деревьев старого парка. Этого не может быть!

– Где это произошло? Ты знаешь, где нашли девочку? – нетерпеливо и громко спросила женщина.

Эмоции рвались, словно волны в бушующем море, это было странно даже для самой Инны. Никогда раньше она так не возбуждалась и всегда сама себя считала спокойным и уравновешенным человеком. «И чего это я завелась?» – одернула себя женщина, однако побороть волнение не получилось.

– Не знаю точно. В южной части города, кажется. Знаю, что в парке каком-то, – уже более спокойно ответила молодая медсестра.

Инна больше не желала ничего слушать. Ей вдруг сию минуту захотелось увидеть подтверждение тому, что рассказала девушка. Довольно разговоров. Маринину болтовню можно слушать не час и не два. Надо всё своими глазами увидеть.

– Стой, стой! Не ходи туда! Врача подожди! Самой не надо ходить, – махала руками медсестричка, но не пыталась догнать Инну.

Женщина прошла через холл и решительно нажала на кнопку вызова лифта.

– Не волнуйся ты так. Съест меня полумертвый человек что ли? Я только посмотрю, что там такое, – заверила Инна, хотя у самой сердце в пятки ушло.

В том числе и от нетерпения тоже. Хотелось поскорее

узнать, привиделось ли все это молодой девушке или на самом деле произошло что-то фантастическое. Казалось, лифт идет целую вечность. Инна снова и снова давила на кнопку, пока двери не открылись перед ней. Лифт-то старый. Весь грохочет, и двери приходится придерживать, когда поднимаешься, чтобы не застрять. Давно бы уже пора починить. Больница называется...

Наконец-то, третий этаж. Так же тихо, как и на первом. Лишь из глубины коридора доносилось тихое гудение неисправной лампы, время от времени прерывающееся отрывистыми щелчками. Лампа над дверьми операционной вспыхивала фиолетовым светом и снова гасла. Будто подмигивала, призывая подойти ближе. И больше ни звука, ни движения. Словно одна во всей больнице. Будто время замерло в предвкушении чего-то необъяснимого. Инну выворачивало наизнанку от напряжения. Руки дрожали, ноги подкашивались. Страшно-то как! Не поздно же еще назад повернуть. Можно же и вниз спуститься, позвонить, доложить о ситуации. Это будет вполне разумно.

Самой-то зачем идти проверять? Это, знаете ли, не в компетенции медсестер, вот пусть другие и разбираются. Главврач – взрослый, солидный человек, чего только на своей практике не перевидавший, и тот сбежал, как от чумы. Может туда соваться опасно? Нет. Надо сходить, посмотреть. Хотя бы сквозь стеклышко заглянуть, ну, или через порог. Наверняка там и нет ничего. Мало ли что почудиться может.

Женщина почему-то старалась двигаться как можно тише. Медленно, медленно подбиралась к дверям маленькими осторожными шажками. «Только бы не спугнуть... Только бы не спугнуть... Кого не спугнуть-то? Звезду что ли, которая с неба ссыпалась? Ага! Как же! – невольно размышляла вслух Инна, теребя пуговицы дрожащими руками. – Чего это я вся трясусь-то? Там и нет никого... Разве что мертвое тело. А я только загляну и пойду звонить». На миг вдруг показалось, что по матовому окошку в правой двери реанимации скользнула округлая тень. Инна вздрогнула, даже язык прикусила. По всему телу пробежал озноб: «Неужто, правда, есть там кто-то? Или от лампочки в глазах рябит?».

А все-таки ведь хочется, чтобы по ту сторону дверей кто-нибудь оказался. Эта зыбкая, призрачная надежда на чудо. Такая приятная, детская, наивная надежда. Даже страх не в силах ее удержать. Куда страшнее, если за этими дверями ничего не окажется. А ведь, скорее всего, так и будет. Инна вдруг опомнилась: «Что за чушь лезет в голову? Чудес не бывает. Это только в книжках чудеса, а в жизни-то ничего волшебного не происходит. Скорее всего, за этой дверью нет ничего, кроме разочарования». Однако женщина всё же взялась за ручку. Надо убедиться. Осмотревшись по сторонам и удостоверившись, что кроме неё никого на этаже нет, она прижалась ухом к двери. Только гудение лампы. По ту сторону тихо. Ни шороха. Наконец, решившись, женщина толкнула дверь. В ноздри тут же ударил резко-жгучий запах. Ед-

кий, как дым.

Она огляделась. Что за беспорядок? Два операционных светильника на полу, третий, покосившись, опирался на стену, тележка с инструментами тоже на полу, даже содержимое ящиков рассыпано, операционный стол стоит как-то боком. Словно тут кто-то в испуге метался, натыкаясь на все подряд. «Но кто же устроил такой погром? Ведь тут никого! И грязь повсюду. Черные пятна. Даже отпечатки босых ног! – Инна подошла к операционному столу. – Будто углем всё перепачкано».

– Чертовщина какая-то, – процедила сквозь зубы женщина, коснувшись указательным пальцем горстки сухого пепла.

«Значит, обугленное тело и вправду было. Но кто-то тут уже побывал. Кто-то унес его, – рассуждала Инна. – Не могла же эта девочка встать и сама уйти? А если могла? Да нет, не могла, конечно! Если она человек и состояние ее тяжелое. Эх, опоздала! Проворонила чудо! Стыдно теперь будет за свои глупые мысли». Позади раздался осторожный шорох. Инна машинально обернулась и оторопела. Позади нее у дверей стояла абсолютно голая девочка. Женщина не верила своим глазам. Откуда тут взялся ребенок? Инна зажмурилась и снова открыла глаза. Девочка все еще стояла у двери, с диким любопытством уставившись на неё. На вид ей было лет одиннадцать-двенадцать. Странная какая-то, уж не больная ли? Кожа местами перепачкана чем-то сероватым. Но кожа у нее безупречно белая. А волосы черные, бле-

стоящие, недлинные. Личико круглое, щечки чуть пухлые, как у куколки. Вглядываясь в ее лицо, Инна вдруг почувствовала призрачное прикосновение. Будто кто-то мягко обнял ее чуть ниже груди, и тепло разлилось по всему телу. Женщина даже улыбнулась, хотя по-прежнему прибывала в растерянности. Девочка ещё недолго постояла без движения, деловито разглядывая женщину, затем шмыгнула носом и тут же исчезла, скользнув в открытую дверь.

Теперь и вспоминать странно о том времени, когда приходилось нехотя идти на работу. Сейчас же родную больницу и вторым домом назвать мало. Где теперь, как не здесь, так по-домашнему уютно? В этом месте единственные знакомые лица, здесь ощущение своей необходимости. Тут даже в униформе медсестры с короткими рукавами чувствуешь себя куда комфортнее, чем в старом домашнем свитере, каковой почему-то не спасает от вечной зябкости. Да что там говорить, и этот специфический запах хлора стал привычной запыленной квартиры. Всё переместилось на работу. Дома остался, разве что, телевизор. Да и тот работает лишь для того, чтобы хоть как-то заполнить невыносимую тишину. Эта проклятая квартира. Даже на ночных сменах думать о ней не хочется. Особенно теперь, когда работа стала не только привычной, но и желанной. Как хорошо в этих сумеречных коридорах, как тепло. Даже сверчок откуда-то с потолка довольно зачвиркал. Стало быть, и он к хлорке принялся,

обосновался тут, где насекомым быть вообще не положено. Ну и правильно. Где ещё, как не в холе северного крыла? Тут всегда так спокойно. Обстановка приятная, напоминающая давние годы детства. Единственное место во всей больнице, куда ещё не добрался гигиеничный, но бездушный евроремонт.

И снова это головокружительное волнение. Как в первый раз. А ведь был момент, когда тайна Инны казалась чем-то обыденным. Так нет, снова это головокружительное чувство перед встречей. Может быть, потому что сегодня эта встреча особенная? Только бы сказать. Не струсить. Глупо, конечно, это все. Безумно. Но иначе когда-нибудь, а может быть, и в ближайшее время, тайное станет явным для всех. И тогда малышку уже не уберечь. Не будет больше мечты. Такой единственной, личной надежды. Отнимут. Нельзя рисковать тайной. Ее оберегать надо. Всеми силами. Всеми правдами и неправдами. Ведь без нее жизнь снова поблекнет, станет неинтересной, безрадостной. Оказывается, мечтать так здорово! Мечтать днем и ночью. Столько удовольствия от всех этих глупых планов и нарисованных выдумок, мысленно обыгрываемых десятки раз. Наивно это, конечно, всё. По-детски. Ну и что? Да только вот мало всех этих грез. Нужно шаги делать к их осуществлению. Маленькие, осторожные, но уверенные шаги.

– Инна, ты? – прошептала темнота.

Женщина вздрогнула и замерла на месте. Этого ещё

не хватало!

– Угу, – буркнула Инна на автомате.

– Я тебя по звуку шагов узнала. Крадешься, как мышка, – проговорило приземистое чернильное пятно Марининым голосом, выглянув из-за оконной шторы.

– А ты чего тут делаешь? – спросила Инна, лишь желая опередить девушку, пока та не спросила тоже самое.

– Пришла окно заклеить. Поддувает тут, – ответило пятно, помахав темным отростком, в котором было зажато что-то круглое.

«Поддувает. Как раньше это в голову не пришло? Дома почему так холодно? Там дует изо всех щелей, – догадалась Инна. – Взять бы давно да заклеить старые рамы лентой и не дрожать от сквозняков. Вот бы ещё те проклятые окна гвоздями заколотить, да дела с ними иметь не хочется...»

– А чего же ты ждешь?

Пятно выплыло из-за шторы, и на фоне темного неба за стеклом приобрело изящную форму.

– Я сюда пришла, чтобы хотя бы минут десять отдохнуть. Устала жутко, – пожаловалась Марина. – Эта Виктория... Как там её? Не могу к ней привыкнуть. Каждую минуту дает задания. Лишь бы чем-нибудь озадачить! Ох, не привыкну я к ней.

– Привыкнешь, – заверила Инна. – Я ей скажу, чтобы не была к тебе так строга.

Марина тяжело вздохнула:

– Всё равно. Лучше бы Игорь Викторович поскорее вернулся.

– Он, наверное, и не вернется уже.

– Почему это?

Инна пожала плечами. Она и сама не знала, почему главный врач не должен возвращался. Просто хотелось, чтобы не возвращался. На то были причины.

– Третью неделю от него ни слуху, ни духу. Мало ли какие проблемы бывают. Он как-то упоминал, что у него сын болен.

– Я думаю, не в этом дело, – сказала молодая медсестричка, изменившимся голосом. – Он же и не предупредил никого. Как сбежал тогда, так и след его простыл. Может быть, Игорь Викторович изучает?..

– Опять ты за своё.

Марина замолчала, вспомнив о строгом уговоре. Тут Инна поняла, что напрасно остановила её. Томных пауз неугомонная девушка не выносит и тут же спешит заполнить их новой болтовней. И последовательность её мыслей предугадать было несложно.

– А ты чего тут делаешь? Куда шла? – не заставила себя долго ждать Марина.

Инна замялась. Чего же теперь ей ответить? Куда она шла? Она же почти упиралась в двери, которым положено быть закрытыми, так как за ними старое детское отделение. Закрытое с тех самых пор, как Инна устроилась на работу

в этой больнице. Туда никто не ходит. Незачем. Там лишь сбитый паркет, осыпавшаяся штукатурка, пустые и загроможденные старыми кроватями палаты. Детей теперь лечат на втором этаже, а старое отделение превратилось в небрежный склад негодного хлама. Поэтому из этических соображений весь медперсонал предпочел забыть об этом темном пятне. И без того порядок в клинике держится на честном слове. Но Инна, несомненно, направлялась именно туда. Марина в этом наверняка не сомневалась, и в её восторженном тоне легко угадывалось любопытство. Женщина даже разволновалась, не зная, как обмануть девушку. Про случайность и рассеянность молодая медсестра уж точно не поверит. Она девочка неглупая. Начнет дотошно выпытывать правду, а то и, не дай бог, увяжется следом. Этого допустить нельзя.

– А в пакете что? – не дождавшись ответа, спросила Марина, заметив небольшой сверток.

Это было очень нахально, но Инна была вынуждена стерпеть и, не огрызаясь, удовлетворить её любознательность. Иначе не избежать беды.

– Мышеловка, – ляпнула женщина первое, что пришло на ум. – Недавно всякие ненужные бумаги туда перетаскивала, на мышонка наткнулась. Не хорошо будет, если начальство узнает.

Ложь, конечно, была нелепейшая, однако девушка, похоже, купилась.

– Вот оно что! А я тут стою и слышу какой-то шорох. Пря-

мо оттуда – из-за этих дверей. Оказывается, это мыши!

– Да-да, мыши.

– А я то подумала.

Инна и знать не хотела, о чем подумала эта юная фантазерка.

– Я подумала, это ОНА там прячется! – заявила Марина, поняв, что провокационная пауза улетела в молоко.

Тут Инна не сдержалась:

– Марина! Сколько можно повторять тебе?! Забудь и не болтай больше эту чепуху! Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Санитары молчат, Тарин сбежал, словом не обмолвился, а ты знай мелешь. Дождешься ты! Слухи поползут, тогда и спросят нас о той ночи. А тебе есть, что по существу ответить? Или ты собралась про своих обугленных гуманоидов рассказывать? Ещё раз говорю тебе: забудь всё как страшный сон. И не думай даже.

Эти слова, несомненно, подействовали. Инне иногда удавалось заставить Марину вспомнить о возрастном превосходстве. Силуэт девушки виновато скрючился и медленно слился со шторкой. Только вот заставить себя замолчать она уже не могла.

– Я пытаюсь забыть. Но так получается, что только об этом и думаю. Как наваждение. Девочка-то была! А значит, где-то она и сейчас есть.

Женщина решила больше ничего не говорить. Не нужно лишний раз давать девчонке повод для болтовни.

– Потом окно заклею, – сказала Марина, наконец, сообщив, что лучше не стоит спорить. – Пойду-ка я. Не люблю грызунов.

Инна молча улыбнулась, блеснув в темноте ровным рядом зубов.

– Иди, поспи немного. Насчет Виктории Анатольевны не беспокойся, я её урезоню. Не будет больше тебя гонять. Будь спокойна. Марина, ничего не ответив, зашагала по коридору.

«Неужели обиделась? Надо будет потом с ней чаю попить, чтобы не дулась», – подумала женщина и в следующую секунду выкинула медсестричку из головы, вспомнив, зачем явилась сюда. Дождавшись, когда стихнут шаги, Инна не спеша приоткрыла двери в бывшее детское отделение. А ведь и вправду не так трудно догадаться, что это заброшенное место вовсе не пусто. На вид необитаемый холл, затопленный мраком, был наполнен чьей-то бытностью. Кроме того, действительно, совсем рядом слышалась возня, едва ли походившая на мышинные шорохи. Ненадежно, однако, спрятана тайна. Не только Марина может услышать этот шум, и не только ей он может показаться подозрительным.

Мрак вдруг скрипнул кроватными пружинами, и шум тут же стих. Инна представила, как это загадочное создание, расслышав шаги, оцепенело и теперь насторожено прислушивается. Она знает, кто идет в гости, поэтому не боится и не прячется. Просто ждет. Снова не зажигает ночник, кото-

рый принесла Инна. Взяла привычку сидеть в темноте. Хотя это не мешает определить, сколько шагов осталось до нужной палаты. Вот замерцала полоска синеватого света в приоткрытой двери. Снова заерзали пружины.

– Вот и я, – с улыбкой заявила Инна о своем появлении.

Малютка вытянула вперед руку, освещая палату пластмассовым ночником в виде кошачьей головы. Ехидные глаза, источая синий свет, долго и недоверчиво буравили Инну. При этом сама девочка оставалась в тени. Разглядеть можно было лишь её босые ноги, свешенные с кровати, и краешек белого платья, которое в подозрительном прищуре игрушечной кошки тоже казалось синеватым.

– Ты! – твердо произнесла девочка и, наконец, опустила ночник на колени.

Из темноты выплыло её круглое лицо, окруженное роем плавающих в воздухе пылинок. Она всегда смотрела как-то по-особенному, одновременно дико и осмысленно. Такой странный взгляд. Никогда не знаешь, что означает то или иное выражение этих больших черных глаз. А улыбка! Эта странная улыбка, словно девочка никогда раньше не улыбалась и только теперь учится. Хотя, что в этом странного? Сейчас для неё всё в новинку. Ведь она ничего не помнит. Неделию назад это чудо говорить-то не умело, а только вопрошительно мычало. Теперь и неясно, то ли девчушка узнает всё заново, то ли память понемногу возвращается к ней.

– Это! – произнесла девочка, указав на пакет в руках Ин-

ны. – Это сладко?

Женщина улыбнулась.

– Нельзя есть только сладкое.

Девочка фыркнула и забормотала что-то себе под нос. Кажется, она пыталась повторить «нельзя... сладкое». Всегда так старательно запоминает слова, так упорно пытается понять их смысл. Просто поразительно.

Инна приблизилась к ребенку и положила ей на колени сверток.

– Как твои дела? – вполголоса спросила она.

– Скука, – ответила девочка, поспешно разворачивая коричневую бумагу. – Скука. Пришла Инна – хорошо. Не скука. Еда.

Женщина хихикнула. Как забавно разговаривает эта малышка. Как всегда, девочка положила вилку рядом на кровать и, справившись с крышкой пластикового лотка, принялась есть, зачерпывая правой рукой. Прямо как младенец. Но ведь большая уже – лет двенадцать, не меньше.

– Макароны, сыр – вкусно, – бормотала она с набитым ртом.

И почему она никак не привыкнет к столовым приборам? Запихивает руками в широко открытый рот целую горсть, половину роняя обратно в посуду и на пол. Вот же дикарка. И откуда она такая взялась? Инна присела рядом на кровать. Ей хотелось обнять девочку за плечи, но пока она не могла решиться сделать этого. Вдруг малышка от неё отшатнется?

И в этот раз не решилась. Вместо объятий рука потянулась за ночником. Женщина повертела колесико, делая свет ярче. Ну и пылица здесь! Да и беспорядок к тому же. Давно пора прибраться. Не знает девчушка, что такое порядок. Вот и Кубик Рубика, который ей так нравился, бросила в угол. Только вот странно, как ей удалось его по цветам собрать? Инна сама много раз пробовала – ничего не получалось. Наверное, малютка раньше имела дело с этой игрушкой. Руки помнят больше, чем голова.

– Больше не сложно, – кивнула девочка на кубик. – Теперь тоже скука.

– Много раз собирала? – усомнилась женщина.

– Много раз. Путала, собирала. Не сложно. Скука!

Девочка вытерла промасленные руки о простынь.

– Хочешь, я принесу тебе другие игрушки?

Худенькие плечики равнодушно поднялись вверх и опустились.

– Я, игрушки – скука. Я одна – скука. Я, ты – хорошо. Я, ты – не скука.

«Бедная девочка. Ещё бы она тут не заскучала. Столько дней в этой палате. Да ей, наверное, осточертели эти стены сильнее проклятого кубика. А то нет! Как она вообще тут сидит? Как терпит? А всё ведь из-за меня. Не она прячется тут, а я её ревностно прячу ото всех. Как эгоистично! Нет, так нельзя, – с раскаяньем подумала Инна. – Нужно немед-

ленно забрать её отсюда. Я же это ещё три дня назад задумала и всё никак не решусь сказать ей!».

Девочка напряженно вглядывалась в лицо Инны, словно пытаясь угадать, о чем она думает. Женщина, наконец, решилась обнять её. Малышка не сопротивлялась.

– Я хочу забрать тебя к себе.

– Забрать к себе? Ты, я – вместе?

– Именно. Ты и я вместе. Всегда. Согласна?

Девочка улыбнулась. Улыбнулась по-настоящему. По-человечески. Тут же рассеялось неясное выражение глаз, и в глубоких темных зрачках вспыхнул радостный огонек.

– Туда? – тонкий пальчик указал на дверь.

– Да. Пойдешь со мной?

Сердце Инны торжественно заколотилось. Девочка смущенно молчала, но это и означало согласие.

Глава 2. Над землёй

Острая трель будильника тысячей металлических осколков резко вонзилась в сон. Пронзительное верещание неприятно зудело и назойливо тормозило безмятежное утреннее забвение. Казалось, это продолжается целую вечность. Сознание не желало подниматься с глубин сонного марева и отчаянно пыталось сохранить целостность покоя. Даже явило на миг видение, будто тело само собой поднимается с кровати, лениво переставляя ноги, плетется в соседнюю комнату и отключает источник бурной истерики. Но это помогло ненадолго. Нервное жало снова яростно занозило слои минутного умиротворения. «Распроклятая пищалка! Как только маме удастся не слышать этот вой?» – нехотя зашевелились мысли. Щурясь от хитро проскальзывающих сквозь задернутые шторы солнечных бликов, Эра не спеша выбралась из постели. Ноги здорово онемели. Спалось так хорошо, что стопы подзабыли о своем предназначении. Даже выволочь себя в коридор оказалось не так просто. Но, как только девочка приблизилась к двери спальни мамы, будильник стих сам по себе. Всё равно нужно отключить его, иначе снова заголосит.

Как маме удастся спать так крепко, да ещё и в такой неудобной позе. Одна нога свешена с кровати, голова съехала с подушки, да еще и этот допотопный механический бу-

лыжник стоит на тумбочке не так далеко от её уха. Во дает! Медсестры умеют подолгу не спать, но и отсыпаются они тоже искусно.

Эра взглянула на циферблат. Ровно восемь часов. Почти каждое утро в это время начиналась жизнь в их небольшой квартире на протяжении года. Таково было нигде неписаное правило их маленькой семьи. За это время мало что изменилось в их доме. Одинаково начинался рассвет, одинаково проходили дни и томились вечера. Эра и Инна не нуждались в переменах. И никто не ждал никаких ярких событий. Всё и без того хорошо.

Эра вошла в кухню и открыла нараспашку окно. С улицы обдало теплым веяньем, чуть свежее воздуха в кухне. Стояла середина октября, но Эра не знала, что по утрам в это время уже должно быть прохладно. Это был первый октябрь, который она знала. Девочка высунула голову в окно, пытаясь уловить пусть не ветерок, а хотя бы какое-то движение атмосферы. Плотная стена сухого воздуха была непроницаемой. Плоскими декорациями вырисовывались прямоугольники пятиэтажек, еле заметно пошевеливались слившиеся воедино ярко-желтые кроны липовой аллеи. Снизу доносилось гудение машин, топотание десятков ног, обрывки голосов. Подобная суeta бывала лишь по утрам, когда школьники спешили на учебу, а взрослые на работу. В остальные часы маленький городок проводил в молчании. Разве что к вечеру улицы снова наполнялись ручейками толпы, но уже не такой

суматошной.

– Эра! – ударил в спину мамин визг.

Девочка и не успела среагировать на зов, как в её плечи вцепились жесткие пальцы. Инна всегда буквально сходила с ума, когда видела свою приемную дочь у открытого окна. Это не было строгим принципом и обычным беспокойством. Эре и раньше доводилось замечать этот её необъяснимый страх перед окнами.

– Эра, я же просила тебя, – неумело пряча раздражение, сказала Инна.

– Мам, ну душно же, – тихо возразила девочка, послушно отпрянув от окна.

Женщина, тяжело вздохнув, опустилась на табуретку и тут же снова стала привычной мамой. Сонной и слегка угрюмой.

– Душно? Холод собачий. Из кровати вылезать не хотелось.

– Так не вылезала бы.

– Но ведь кофе хочется!

Эра повернула ручку конфорки, чиркнула спичкой, но та сломалась. Вторая спичка выскользнула из пальцев, следующая вспыхнула и тут же погасла.

– Черт! – выпалила девочка.

Потухшая спичка, не пререкаясь, испустила душок серы.

Наконец, справившись с огнем, Эра потянулась за чайником, однако тот оказался пустым.

– Чувствую, кофе я сегодня не дождусь, – рассмеялась женщина. – Ладно. Что есть будем?

Эра только пожала плечами. Она была готова съесть на завтрак что угодно, лишь бы не пришлось готовить ей. Но Инна тоже не очень-то горела желанием суетиться у плиты. Недолго повертевшись у холодильника, обе решили позавтракать остатками вчерашнего ужина.

По утрам Эра ела скорее по привычке. Аппетит всегда просыпался на много позже её самой. И она, как всегда, без особого энтузиазма ковыряла вилкой рис. Инна же, напротив, уплетала за двоих, низко склонившись над тарелкой.

– Кстати, так и не рассказала тебе про собрание, – вдруг сказала женщина, бросив на дочь косой взгляд. – Классный руководитель ваш... Тамара... Как её?

– Алексеевна.

– Ага, Тамара Алексеевна. Говорила о тебе. Хвалила, конечно, успеваемость у тебя хорошая. Но, говорит, замкнутая ты. Не общаешься почти с другими ребятами. Это почему? Ты же уже давно с ними.

Эра лишь развела руками. И почему мама хочет добиться от неё того, чего сама никогда не делает? Ведь у неё тоже нет ни одной подруги. Она сама замкнутая, необщительная, и вряд ли ей хотелось бы измениться. Но, тем не менее, она не желает, чтобы Эра была такой. Странно.

– Тебе не нравятся одноклассники? – снова спросила Инна.

– Да дело не в них, – ответила Эра. – Просто я другая. Они говорят, что я странная.

– Вот глупости.

Инна не понимала, что необычного могли увидеть в её девочке. Однако повернулась к дочери и внимательно взглянула в её лицо: «В самом деле, зря дети болтают. Эра самый обычный ребенок, почти подросток. Несомненно, ровесница своих одноклассников. Милые черты лица, хрупкая фигурка, разве что глаза. Глаза-то совсем недетские. Не хватает в них чего-то. Или наоборот, есть нечто таинственное. Вполне вероятно, что именно это отталкивает других детей. Хотя одноклассники могут считать её просто необычной девочкой, а не сомневаться в том, что она человек. Она ведь и есть человек. Кто же она ещё?».

Инна снова вспомнила болтовню Марины. Зачем? Нельзя же воспринимать всерьез ту дурацкую историю о воскрешении полностью обугленного тела, которую выдумала Марина. Глупости всё это! Хорошо, что в неё никто не поверил. Хотя появление Эры в больнице до сих пор окутано мистическим туманом. Даже сама девочка ничего об этом не помнит. Что тут поделаешь?

– Мам, а можно я с тобой пойду? – вдруг осторожно спросила Эра.

Инну тут же вынырнула из прострации.

– Куда? – удивилась Инна, у неё и впрямь были планы на этот выходной, но она не рассказывала о них Эре.

– Я знаю, какой сегодня день. Тебе ведь нужно её навесить?

Лицо женщины в сию секунду помрачнело. Сквозь грудь словно шквалистый ветер пронесся. И почему вдруг Эра сказала о Насте как о живом человеке?.. Инна отвернулась от девочки. Не дай бог расплакаться при ней.

– Да, нужно, – тихо произнесла Инна, зажмурив глаза.

И почему это до сих пор так мучительно больно?! Даже теперь, когда жизнь наполнилась Эрой. Именно так! Ни счастьем и ни смыслом, а именно Эрой. Потому что эта была девочка всем одновременно. И великой радостью, и утешением, и единственной, ради кого утром открываешь глаза. Но никакое счастье не сможет притупить прошлую боль. Нельзя оторвать от себя этот кусок, изъеденный скорбью и раскаянием. Этот ядовитый черный ком. «Как я в себе это ношу? – спрашивала себя Инна. – А я не ношу. Я живу с этим. И это больно. Больно помнить и ещё большее чувствовать, что потихоньку начинаешь всё забывать...»

Сегодня был день рождения Насти. Если бы она не погибла, сейчас девочке было бы уже восемь. Но ей было суждено навсегда замереть в своем раннем детстве...

Как дивен молодой пожелтевший клен, отливающий медью в золотых лучах. Яркий, светонасыщенный, словно созданный природой лишь для улады людских глаз. Как ласков шелест его лапчатых листьев при прикосновении легко-

го ветерка. До чего приятен сладковатый аромат.

И как Инне удастся не быть очарованной новым нарядом деревьев? Буквально пару недель назад они привычно зеленели и вдруг вспрыснули и заискрили желтым, оранжевым и ярко-красным салютом. Разве это не чудо? Чудо! От чего же мама не поражена простирающимся великолепием? Почему в глазах не зреет восторг, а лишь тоска? Да просто потому, что для неё это всё уже не ново. Она знала о предстоящей осени ещё до того, как кончики сочной листы чуть подсохли. Эта мудрая женщина знала всё наперед. Ещё давно, когда эти же самые, только голые, стволы утопали в сугробах, мама предсказала весну, затем напроорочила лето и вот теперь не удивлялась осенней поре. Она уже всё это видела много раз. Это чрезвычайно невероятно, но у мамы есть удивительная способность нырять за воспоминаниями в далекое прошлое.

Почему только Эре всё вокруг в новинку? Девочка нередко задумывалась об этом. Ненормально это. Оглядываясь назад, Эра могла вспомнить, как испугалась белого сияния шестилампного светильника, как больно грохнулась на пол и с ужасом обнаружила, что совсем одна в незнакомом тесном мире. Это было дном её памяти. Глубже некуда. Будто до того момента её и вовсе не существовало. После были ещё прятки в темноте, страх от звуков и голосов, тогда ещё совсем неизвестных людей. Потом появилась Инна, красивая и добрая. Ей сразу же захотелось довериться. Она подари-

ла Эре одежду, приносила еду, научила разговаривать и читать. Она взяла её к себе домой и стала мамой. Но что было до этого? Не могло же ничего не быть!

Мама говорила, что помнить не всегда хорошо. Неприятные воспоминания – это тяжкий груз.

Вот и сейчас в её голове, должно быть, шевелятся те самые черные дни. От того-то чуть припухшие глаза полны безнадежной тоски.

Вдруг на щеке Инны блеснул тонкий ручеек. Заметив это, Эра сама едва не расплакалась. В глазах внезапно защипало, подбородок задрожал. Тоже чудное человеческое чувство: чувствовать чужую боль как свою собственную. Трудно было удержаться, чтобы не заплакать на пару с женщиной. Клен и тот всплакнул, обронив размашистый липкий листок рядом с плитой из серого гранита.

Сегодня они пришли возложить цветы к этому камню, как это делают все люди, приходящие в это место к своим камням и крестам. Ох, и тяжела, должно быть, эта плита, а ещё тяжелее имя, что высечено на ней: «Настя Алаева».

Это и есть та нелегкая ноша Инны. Всё самое горькое связано с этим именем. Эра знала это, хотя мама упоминала о событиях того дня всего однажды, да и то потом очевидно пожалела, что взялась рассказывать. Все же горесть лежала на поверхности. Девочка была уверена: всё то, что запрятано глубоко внутри, на самом деле всегда было осязаемым для самой Инны. Стоит ей только припомнить, ковырнуть,

помыслить – и перед глазами разом воскресала картина того ужасного дня. Словно всё это произошло даже не вчера, а длится до сих пор.

Ничего не померкло, всё так же ясно, как ясен был тот день: солнечная комната, распахнутое окно и улыбка того злоехидного воздушного змея, запутавшегося в ветвях деревьев за оконной рамой.

Если бы не этот змей. Если бы не ветер, что побуждал пятилетнюю Настю поскорее выйти на прогулку и запустить в небо недавно купленную игрушку. Так и прыгала от возбуждения! Инна просила дочь потерпеть, обещала, что они отправятся на улицу, как только она закончит стирку.

Не стоило оставлять тогда девочку в комнате одну...

Должно быть, в тот момент, сгорая от нетерпения, малышка открыла окно настежь и, усевшись на подоконник, подбросила вверх свою игрушку. Оранжевый змей с нарисованной улыбочивой рожицей несколько раз качнулся в воздухе, а затем резко метнулся вверх, вырвав нитку из рук Насти. Воздушный змей взмыл в высоту и тут же запутался в ветвях большого дерева.

Каким тогда было лицо девочки? Быть может, она хотела позвать маму на помощь, но тоненький хвост змея раскачивался туда-сюда, дразнил малышку, словно нашептывая «Попробуй поймать меня»?

Инна не слышала крика, но когда вернулась, Насти уже не было. Пустую комнату заполняли солнечные лучи, про-

бывающиеся через открытое окно. Сквозь квадратный проем были видны качающиеся от ветра деревья и улыбающаяся квадратная рожица, плененная их ветвями. Резкий порыв ветра хлопнул окном, и звенящее стекло на мгновение отразило искаженное ужасом лицо женщины.

Можно ли представить что-то более ужасное?

– Мама. Что дальше происходит с людьми после того, как их закапывают в землю?

– Ничего, – не сразу ответила задумчивая Инна. – Они просто лежат в земле. Ничего не делают, ничего не чувствуют и не думают. Для них всё закончилось. Навсегда.

– Как навсегда?

Женщина скривилась. Судя по всему, ей было не очень приятно рассуждать об этом, но она никогда не оставляла вопросы девочки без внимания.

Мало Эра ещё знает, даже для своего возраста.

– Просто угасают и всё. Помнишь увядшую герань? Цветок был, а потом его не стало, так же и с людьми. Это, конечно, трудно представить, что когда-нибудь и мы с тобой исчезнем, но это так.

– Как так исчезнем? – удивилась девочка. – И нас не будет? Совсем? Нигде?

– Многие люди верят в жизнь после смерти. Говорят, что, умерев, приобретаешь другую жизнь или вовсе попадаешь в другой мир. Рай или ад. Утверждают, будто никакой смерти

нет, – не без иронии проговорила Инна.

– А это не так?

Целлофан затрепетало от резкого чиха ветра, и букет перевалился на другой бок, вплотную прильнув к гранитной плите. Женщина тяжело вздохнула, обронив ещё одну слезу.

– Никто точно не знает. Но я в этом сомневаюсь. Не верю теориям, которые много обещают. Люди боятся смерти, от того и надеются на жизнь после нее. Непонятно мне это. Зачем тогда нам эти уязвимые тела, обремененные сотней потребностей, если и без них можем обойтись? Мертвые продолжают существовать только в памяти живых. В этом я убеждена, и с этим я могу смириться.

– Значит, и прошлых жизней нет? – спросила девочка, вспомнив истории, что читала в книгах.

– Не думаю, – пожала плечами Инна.

Глаза Эры снова кольнуло, она зажмурилась, но капельки всё равно просочились сквозь плотно сжатые веки. Девочка кинулась к матери и крепко-крепко обхватила руками её талию.

– Тогда я никогда не умру, чтобы никогда не причинить тебе такой боли, – глотая слезы, просипела девочка. – И ты, пожалуйста, не умирай. Я не хочу, чтобы тебя не было. Я хочу, чтобы ты всегда была.

Инна молча обняла девочку за шею. Как было бы здорово просто принять и дать такое же обещание. Но, увы, человек не властен гарантировать его исполнение.

– Почему люди боятся темноты? – спросил Максим то ли самого себя, то ли гаденыша, что притаился в глубине коридора. – Почему сознание выдумывает все эти страшные образы? Они подсознательно боятся невидимого врага. Как черви на уровне инстинктов боятся птиц, которых никогда не видели. Люди боятся этих страшных существ, их тоже нельзя увидеть, потому что зрительные органы человека слишком примитивны для этого. Человек их может почувствовать только тогда, когда стальные когти схватят его за шею. Но тот, кого сцапали, уже не сможет рассказать другим о страшном хищнике. Так оно и должно быть. Другие не должны знать, что хищник на самом деле существует. Пусть боятся темноты, пусть ощущают иное присутствие, но не знают о нем наверняка. Тогда им не спастись.

Гаденыш молчал. Его не интересовали размышления перепуганного парня. Да и зачем ему говорить? Едва ли он испытывает жажду общения. Он не человек, хотя и подражает людям. Как дикие кошки на охоте подражают голосу своих жертв. Ему нужна речь, чтобы, издавая крики о помощи или жалобный плач, заманить человека и уволочь его во тьму.

Вот и сейчас он подражает Максиму по привычке, маячит в темноте, копирует его движения, но не трогает. Почему?

– Для чего ты привел меня сюда? – закричал парень не от гнева, а от страха.

Чудовище промолчало, но поежилось. Ему не нравится

слушать крики.

– Кто ты?

– Наверное, я зло? – прошуршал голос в столбе пыли.

Скудный свет обеих лампочек по обе стороны коридора синхронно моргнул и стал голубоватым. Очертания гаденыша слились с темнотой.

– И в чем смысл? – Максим не хотел задавать вопросов, но они сами слетали с языка.

– Мне не нужен смысл. Мне нужна пища. Я просто ем.

Максим ощутил пыльный ком слюны в горле. Это конец. Больше он домой не вернется. Ну и пусть! Не будет больше страха, ненужно будет прятаться в пустой комнате. Все это, наконец, закончится.

– Тогда давай быстрее, – взмолился парень.

Тень гаденыша замерцала в голубом свете, будто его свела судорога, но это был обман – тварь не двигалась.

– Ты не нужен мне. Я сыт тобой по горло.

Напрасно Максим обольстился, будто гаденыш заманил его сюда, потому что давно желал его убить. Даже дьяволу не нужна эта жалкая душонка.

Полудохлый червяк – невкусный, пусть лежит, извивается в агонии, послужит приманкой для других.

– Тогда почему ты не оставишь меня в покое? – выкрикнул Максим и закашлялся от пыли.

– Я один. Других нет, – ответило существо.

Свет брызнул красным потоком и погас. Парень встрепе-

нулся и было бросился бежать, но споткнулся о массивный кусок разрушенной стены. Упал грудью на кучу песка и битого стекла, разбил колени и поцарапал лицо торчащей арматурой. Это не сон. Во сне не бывает так больно.

– Не хочу! Лучше умереть, чем видеть тебя! – кричал Максим, ползая в цементной пыли и липкой крови. – За что мне все это? За что?!

Темнота не отвечала. Гаденыш ушел. Ему не нужна его смерть, он лишь не хочет чувствовать себя одиноким в этом мире. Может ли быть что-то страшнее, чем быть загнанным в угол хищником, который не желает твоей смерти, а хочет наблюдать, как ты сам медленно отравляешь себя своим же страхом перед ним? Кошмар стал адом наяву.

Глава 3. Кровавый эстамп

Минул последний тёплый день, и осень, спрятавшись за ширмой ночи, вывернулась наизнанку. Уже утром маленький мирок окутала густая влажная пелена. Снова привычный городской вид сменил краски. Проспекты, улочки, дороги и единственная широкая магистраль, окутанные туманом, казались выцветшими, как старые фотообои. Всё вокруг выглядело подмененным и даже неистинным. Знакомые очертания дворов, проплывающих за стеклом, стали размытыми, неясными, как декорации в старом фильме. Всё разом стало игрушечно-киношным, даже сама Эра ощущала себя чуточку не собой. И только крепкий холодок был во всех отношениях натуральным. Впервые утро выдалось таким непривычно холодным. Даже в автобусе очень ясно ощущалось прикосновение колкого озноба.

Эра ежилась от бегающих по коже мурашек, прятала замёрзшие ладони подмышки, сжимала покрытые гусиной кожей ножки и чувствовала себя жутко неудобно. Вот и пришла пора заменить легкую, такую удобную юбку на плотные джинсы. Автобус притормаживал на остановках, салон постепенно заполнялся людьми, но от этого не становилось теплее. Будто каждый вошедший нес с собой уличную прохладу. Рядом с Эрой взгромоздилась полная старушка, оттеснив девочку к окну. Пустых сидений не осталось, проём тоже за-

полонили суетливые люди. Но девочку это столпотворение не смущало. Она уже давно привыкла к подобным явлениям по утрам. Это даже не отвлекало от мыслей, в которые девочка погружалась с головой. Размышляла о всевозможных мелочах: погода, предстоящие часы в школьной рутине, домашние дела – стандартный набор каждого дня, её собственный маленький мир, построенный за тот короткий срок жизни в незнакомой среде. За окном мелькнул знак с изогнутой вправо стрелкой. Автобус затарахтел и, поворачиваясь, слегка наклонился на бок. Эра уже знала, что спустя несколько мгновений они остановятся на светофоре, как это обычно бывает. Больше всего ей не нравились такие остановки. Странно. И торопиться-то вовсе не нужно, а стоять не хочется. Когда автобус тормозит, кажется, будто останавливается время. Колеса шаркнули по влажному асфальту. Вот и замерла минута. Эра заерзала. Отчего-то вдруг стало очень некомфортно. Будто что-то незримое остро уткнулось в неё. Никак кто-то смотрит в её сторону? Девочка взглянула на старушку рядом – той не было до неё дела. Она тихо дремала. Люди вокруг тоже выглядели равнодушными. Разве что светофор, расплывшийся по запотевшему стеклу зеленым пятном, пристально наблюдал за девочкой. Повертевшись ещё с минуту, Эра, наконец, удостоверилась, что предчувствие её не подвело, сумев обнаружить виновницу своего беспокойства. В покачивающейся толпе то и дело возникали темно-карие миндалевидные глаза. Знакомое лицо. Глаза

так и метались среди копошащихся людей, старательно пытаясь удержать взгляд.

Эра сразу узнала свою одноклассницу Айжан. Встретить её тут не было неожиданностью, ведь девочки каждый день добираются до школы в одном автобусе. Но зачем она так смотрит? С чего вдруг? И здороваются-то они не всегда. У Эры вообще среди одноклассников друзей нет. Она слишком замкнутая, её считают странной, а подчас просто не замечают. Это не было проблемой. Ей нравилось наблюдать за людьми, стоя в сторонке. Но оказывается, когда наблюдают за тобой, – это очень неприятно. Эра даже почувствовала себя маленькой причудливой ящерицей, а любопытные глаза Айжан казались огромными окулярами ботаника, от которых не спрячешься ни под листочком, ни за травинкой. И чего она так пристально смотрит? Вот чудная. Её в школе тоже считают не такой, как все. По сути, так оно и было. Айжан отличалась от других детей. Было в ней что-то загадочное, как и в самой Эре. Только вот она не была незаметной, а, напротив, часто оказывалась в центре внимания опять же из-за своей непохожести. Некоторые даже позволяли себе лицемерные шуточки в её адрес, но никому не удавалось вывести Айжан из себя. Терпение у неё ещё то! Даже Эре была интересна её таинственность, однако она не желала, чтобы Айжан интересовалась ею. Эра снова бросила взгляд в сторону одноклассницы. «Вот настырная. Глядит и глядит, закусив прядь каштановых волос. И чего ей нужно?» – Эра

с возмущением отвернулась к окну, пообещав себе не обращать на девочку внимания. Но самопроизвольно возникающий образ одноклассницы в сознании тоже оказался очень назойливым.

В мысли тут же забрались навязчивые предчувствия. Неспроста всё это. Всё недолгое время, проведенное в обществе других детей, Эру вполне устраивала роль девочки-невидимки, а внимание Айжан словно пророчило, что всему этому пришел конец. Внушило ощущение неготовности к слиянию с людьми. Какое неприятное чувство! Эра пробовала сосредоточиться на виде за окном, пытаясь определить, где сейчас проезжает автобус. Увы, от самой себя не спрятаться. Одноклассница всё ещё смотрит. Даже не отворачиваясь от окна, девочка ощущала этот острый взгляд.

Любопытный зоолог посадил ящерку в спичечный коробок и теперь наблюдает сквозь приоткрытую щель. Выбраться бы незаметно отсюда. В коробке темно, мало воздуха, удручающе тесно и скверно.

Эра, сама не зная зачем, поднялась с сидения. Старушка недовольно крикнула, когда девочка просочилась через её колени. Люди неохотно расступались под натиском девчушки, желающей поскорее подобраться к задним дверям. Она не знала, на какой именно остановке сейчас притормозил автобус, ей было всё равно. Пусть до школы ещё далеко, лишь бы поскорее сбежать прочь от этих пытливых глаз. Наконец, оказавшись на улице, Эра почувствовала облегчение.

И лишь спустя пару минут, оглядев чужую улицу, поняла, насколько глупым и бездумным был её поступок. Выбежала из автобуса только потому, что малознакомый человек посмотрел в её сторону. Эра раньше не замечала за собой бо-язни людей. Однако всё новое, с чем не приходилось сталки-ваться раньше, почему-то пугает и раздражает. «В самом де-ле, повела себя как трусливая рептилия из-за какого-то пу-стяка! Ну и ладно! Главное, теперь никакого нежелательного внимания», – оправдывала себя Эра.

Сквозь облака вдруг пробились лучи солнца. Едва про-светлевшее небо свежо засияло в утренней прохладе. Среди облетевших лип в лучах солнца засеребрила крыша старень-кой школы. Туман над искусственным прудом в парке тут же стал прозрачным, и в зеленоватой воде отразились осенние краски раннего утра.

Эра свернула с тропинки и направилась к пруду. Ей хо-телось вдохнуть запах водяных растений. Тело продрогло до костей, но это можно было стерпеть ради нескольких ми-нут спокойствия. Постоять, уставив глаза в холодное зерка-ло, такое же чувствительное, как обнаженная кожа. Стоит ветерку лишь слегка коснуться водной глади, и по ней тут же пробежит рябь, вскружит неизвестно откуда взявшийся ду-бовый листок в лиственном парке. Как хорошо, что в этом ненасытном бурлящем динамикой мире существуют такие уголки, полные спокойствия и гармонии. Маленькие, уеди-ненные закутки, где можно провести много времени, ниче-

го не делая, и при этом не ощущать скуки. Девочка, сама того не сознавая, всегда выискивала такие места. В тишине и умиротворении чувствовалось соприкосновение с частичкой прошлого, воспоминания о котором были утрачены. В природной безмятежности, несомненно, присутствовало что-то родное. Очень знакомое... не голове, а сердцу. Не зря мама говорила, что память состоит не только из того, что видел и слышал – воспоминания связаны и с внутренними ощущениями. Может быть, в той неизвестной прошлой жизни никогда не приходилось видеть этот осенний лиственный парк, вдыхать аромат хвои, смешанный с кисловатым запахом маленького пруда, однако эти чувства единства со всем сущим, должно быть, уже не раз тревожили душу. Эра была готова простоять так вплоть до начала уроков, не обращая внимания на совсем пронявший холодный ветер. Но, увы, не могла не обратить внимания на ощущение, будто она делит этот маленький оазис тишины с кем-то ещё.

Это неприятное чувство снова вернулось. Опять кто-то смотрел прямо в спину, и этот взгляд настолько тверд, что почти физически осязаем. «Не уж-то снова она?! – Эра оглянулась через плечо. – Так и есть!». Поодаль от неё, там, где к забору парка жались невысокие клены, на одинокой скамейке расположилась Айжан. Она сидела неподвижно, словно была одной из невзрачных каменных фигур, разбросанных среди деревьев. Освещенная со спины рассветом, издали девочка выглядела как черная тень. Но Эра не сомнева-

лась, что это именно Айжан. «И почему же она так навязчиво возникает рядом? Стало быть, ищет встречи не просто так. Тогда нужно просто спросить, что ей нужно. Твердо и можно даже дерзко, чтобы та отвязалась наконец», – собравшись с духом, Эра незамедлительно зашагала в сторону скамейки. Пальцы рук слегка задрожали, внутри всё напряглось, и кровь подступила к лицу. Грубить девочка не умела да и не хотела пробовать, но иначе придется расстаться с привычным покоем.

– Привет, – первой сказала Айжан, как только Эра приблизилась.

– Здравствуй, – ответила Эра, спрятав глаза.

Айжан вдруг мирно улыбнулась одними уголками губ.

Эта улыбка имела силу. Суровый настрой Эры тут же смягчился, и она позабыла о резкости. Обезоруженная одним лишь приветливым жестом, девочка полностью растерялась и понятия не имела, что должна сказать дальше. Айжан была первой девочкой, которая вот так просто взяла и заговорила. Без смущения и робости. С полминуты Эра с любопытством всматривалась в лицо Айжан, изучая каждую черточку. Будто видела её впервые. А ведь и вправду не замечала раньше, насколько интересное лицо у Айжан. Смуглая кожа, выступающие скулы, необычный разрез глаз, густые ресницы, тоненькой нос. И фигурка у неё тоненькая, хрупкая. Таких девочек называют красивыми. Замечал ли кто-нибудь раньше её красоту? Может быть, пока еще никто не обратил

внимания. Но пройдет ещё год или два, и Айжан раскроется, словно бутон цветка. Все тут же забудут свои глупые шуточки. Красота девочки наберет силу, сможет околдовывать всех вокруг, и никто не посмеет её не замечать. Наверняка в неё будут влюбляться многие мальчишки. Эра даже ощутила легкий укол зависти – будь у неё такое лицо, она бы легко вписалась в окружающий мир.

– Что так смотришь-то? Вот ты странная, – засмеялась одноклассница.

Эра пожала плечами. Пару минут назад она и сама хотела сказать Айжан о том же самом.

– Меня ждешь? – не подумав, ляпнула девочка.

– Отдыхаю просто. Ты садись, давай.

Айжан отодвинулась чуть в сторону, хотя на скамейке было много места.

Эра робко села с краю.

– Забавно. Давно хотела с тобой заговорить, – вдруг призналась одноклассница.

– Для чего?

Выдающиеся скулы округлились от широкой улыбки.

– Не знаю. Таинственная ты. А можно я тебя буду просто Лера называть? Валерия не очень удобное имя. Знаешь, звучит как-то очень солидно.

Девочка заволновалась. Что значит «буду называть»? Выходит, Айжан решила затеять дружбу?

А если да, то как это – дружить? Эра сомневалась, что ей

это по силам.

– Лучше просто Эра. Мне так привычней.

– Эра? Необычно!

– Ну, может быть. Мама назвала Лерой, а я почему-то настойчиво повторяла «Эра», вот так и прижилось, – пробурчала девочка и добавила на всякий случай: – Это было давно.

Инна предупредила её, что нередко придется умалчивать о молодости своего «я». Девочка чувствовала себя не в своей тарелке и не оттого, что довелось разговориться с одноклассницей. Просто не могла отделаться от чувства, будто кто-то всё ещё наблюдает за ней. Ведь Айжан рядом и смотрит куда-то в сторону. А! Вот оно что! Кто-то маячит на дорожке перед школой. Ходит из стороны в сторону и поглядывает на девочек. Какая-то любопытная пятиклассница. Ей-то что нужно? Айжан тоже заметила девочку и, строго посмотрев в её сторону, махнула рукой. Пятиклассница тут же отвернулась и, виновато склонив голову, потопала в сторону школы.

– Моя младшая сестричка – Сауле, – объяснила она. – Прилипла, как репей. Приходится с ней возиться. Мы не так давно сюда переехали, а она никак не может прижиться в своем классе.

– Сауле – еще одно имя, которое я раньше не слышала, – вслух подумала Эра.

– Восточное, – усмехнулась Айжан. – Мы не отсюда родом. Разве это не заметно?

Эра покачала головой, хотя понятия не имела, откуда мог-

ла переехать одноклассница, мир за пределами маленького городка оставался для неё тайной.

– А где ты раньше училась? – поинтересовалась Айжан, забыв про сестру. – В прошлом году тебя не было.

– Дома, – неосторожно ответила Эра.

– На дому? Как так? – отчего-то удивилась одноклассница.

Эра дернула себя за волосы. Она и не знала, что на это должна быть какая-то причина, и понятия не имела, как ответить.

– Просто я была не готова учиться вместе со всеми.

– Вот почему ты такая дикая. Сразу заметно, что ты раньше мало общалась с людьми. Так ведь?

– Не помню, – честно ответила девочка.

Айжан ничего не сказала. На секунду Эре показалось, что она смотрит на неё с сочувствием, будто на больную кошку.

– Ой, а что же мы сидим-то? Литература вот-вот начнется. Пойдем! – воскликнула Айжан, взглянув на дисплей мобильного.

Эра поднялась и не спеша побрела за одноклассницей. Она чувствовала себя ужасно неловко, боялась сделать что-нибудь не так и всерьез задумывалась о ничтожных пустяках: как идти, рядом или поодаль? Говорить или молчать? Девочка снова почувствовала себя той напуганной крошкой, что год назад училась держать вилку и запоминала незнакомые слова.

– Тебе нехорошо? – спросила Айжан, заметив странную нервозность Эры.

– Да нет. Всё в порядке!.. Скажи, а почему... А почему ты так смотрела на меня сегодня в автобусе?

Айжан уклончиво отвела взгляд в сторону.

– Ты извини за это. Может быть, мы с тобой сегодня за одну парту сядем?

Отчаявшись получить ответ, Эра согласно кивнула головой.

– Просто вчера услышала то сообщение. Ну, о том, что в субботу девочка пропала из нашей школы. Не знаю, почему сразу вспомнила о тебе. Всё утро думала, увижу ли сегодня тебя в автобусе. Ты не обижайся. Я рада была узнать, что с тобой всё в порядке, – спустя пару минут всё-таки пояснила Айжан.

Эра сомнительно нахмурилась.

– Что значит девочка пропала? – спросила она.

– В смысле исчезла. Её полиция ищет, но нигде не может найти. Разве ты об этом не слышала?

– Нет.

– Я тоже никогда не смотрю телевизор. Но в Интернете за новостями слежу регулярно! – пробормотала Айжан себе под нос, словно разговаривала сама с собой. – Ты, кстати, в социальных сетях есть?

– Разве такое бывает, что человек просто взял и исчез? – серьезно спросила Эра, проигнорировав вопрос однокласс-

ницы.

Айжан бросила на неё удивленный взгляд.

– Лера... Тьфу! Эра! Ты с неба свалилась?

Эти слова прозвучали грубо, но без злости. Эра позволила себе улыбнуться. Её позабавила догадка одноклассницы. Не исключено!

– Никто никуда так просто не исчезает, – продолжала одноклассница. – Это наверняка чьих-то рук дело.

– Чьих?

– Откуда мне знать? Люди в нашем городе пропадают, и никто не знает, что с ними. Но я думаю это, конечно, связано. Иначе и быть не может. Как думаешь?

Айжан свернула к каменной дорожке, затем резко остановилась и взглянула прямо в глаза Эры, будто ей был очень важен её ответ. Девочка не знала, что ответить. Ни о каких исчезновениях она ни разу не слышала.

– Не знаю! А разве кто-то ещё исчез?

Взгляд одноклассницы переменился. Теперь в её карих глазах читалось раздражение. Уж не думает ли она, что над ней издеваются?

– Да! Сразу видно, что тебя совсем ничего не интересует. Зайди в Интернет! А по школе слухи ходят. У родителей спроси. Они-то должны знать! За год около десятка человек пропало. Многовато для такого маленького городка. Правда, ничего об этом не слышала?

Эра лишь пожала плечами. Интернетом пользоваться она

толком ещё не научилась, да и привычки слушать сплетни у неё не было.

– Неужели никто не знает, почему пропадают люди? – спросила она.

– Одни догадки, поиски. Пропадают мужчины и женщины разного возраста. Все на ушах, – таинственно произнесла Айжан. – Спорим, скоро у нас классный час организуют по этому поводу? Погрозят нам пальцем, чтобы не ходили одни по улицам. Кстати, ту девочку, которая исчезла позавчера, в последний раз видели в этом парке. Может быть, маньяк какой-нибудь из психушки сбежал? Хотя нет, сумасшедшему бы не удалось так чисто работать. Детективы читаешь?

– Читаю!

– Я тоже иногда. Ну да ладно, не будем об этом. Неприятная тема.

Эра согласилась поговорить о чем-нибудь другом, хотя и без охоты. Она действительно интересовалась детективами, её увлекали загадочные истории, будоражившие воображение. Было не просто выкинуть рассказанное Айжан из головы. Ей вдруг захотелось как можно больше узнать о таинственных исчезновениях.

– Вот черт! Опаздываем же! – воскликнула Айжан, снова взглянув на дисплей телефона. – Три минуты до звонка. Давай поживее!

Девочки прибавили шаг. Вот уже и двор школы опустел.

Ученики разошлись по классам. Вот-вот раздастся звонок. Попадет им за опоздание. Преподаватель русского языка и литературы требует от учеников пунктуальности. Лучше не опаздывать на его урок. Заторопившись, Эра обогнала свою одноклассницу. Ступив на дорожку, ведущую прямо к дверям школы, девочка чуть ли не со всех ног пустилась бегом. Даже не сразу заметила впереди большую грязную лужу. «Сейчас бы как влетела в грязь», – подумала Эра, набегу уже готовясь перепрыгнуть темное пятно. Но как приблизилась к пятну на дороге, вдруг замерла на месте, едва не споткнувшись. Слишком странной была эта лужа, чтобы просто перескочить через неё, не обратив внимания. Что это? Вовсе не дождевая лужа. Что-то вязкое, пурпурное растеклось по неровному асфальту. Эра присела на корточки. Густоватая жидкость, темно-красная, как кровь. Или это и есть кровь?! Целая лужа крови! Девочка зажала рот ладонью.

«С кем-то произошло несчастье. Какой-нибудь ученик поранился или, может, разбил голову. Ужасно! Была бы тут мама. Она ведь помогает тем, кто попал в беду. Она медсестра! Как хочется увидеть маму...» – почувствовав подступающую тошноту, Эра отвернулась. Вид крови ужасал и отвращал её. Даже голова пошла кругом.

– Что с тобой? – донесся голос Айжан из-за спины.

Эра не ответила, дожидаясь, когда её одноклассница сама заметит алое пятно. Айжан приблизилась к девочке и склонилась над ней.

– Всё в порядке? – обеспокоено спросила она. – Эра, что не так?

Эра выпрямилась, всё ещё прижимая ладонь к губам.

– Тебя тошнит? – не понимала Айжан. – Болит что-то?

Девочка указала пальцем в сторону лужи, при этом стараясь не смотреть туда.

Одноклассница рассеяно взглянула под ноги.

– Что-то я тебя не понимаю, – отчаянно выдохнула Айжан.

Эра снова указала на асфальт, и вдруг глаза её округлились от ужаса: одноклассница обеими ногами вступила в темную жижу, однако по-прежнему не догадывалась, что стало причиной внезапного испуга Эры.

Она топталась на месте, глядела себе под ноги, но её глаза упорно отказывались замечать то, что растеклось по асфальту.

– Эра, да что с тобой происходит? – почти сорвалась на крик Айжан.

– Ты не видишь что ли?! – наконец выдавила из себя Эра.

Девочка снова опустила взгляд. Белые гольфы уже пропитались густой жидкостью, однако это её почему-то не смущало. Слепла что ли? Стоит посреди алого пятна и делает вид, будто всё в порядке.

Эра зажмурилась, пытаясь избавиться от наваждения.

– Ну что? Что? – недоумевая, говорила она. – Слышишь звонок? Опоздали же! Давай поспешим, а то обеим попадет.

Всё остальное потом.

Эра хотела сдвинуться с места, но ноги будто прилипли к земле. Она не могла пошевелиться. Просто стояла и смотрела, как быстро удаляется Айжан к дверям школы, оставляя за собой кровавые отпечатки подошв.

После долгого осмысления утренних впечатлений страх, наконец, немного отступил. Что толку от этих параноидальных размышлений? Уж лучше поскорее забыть о случившемся. В конце концов, даже у вполне здорового человека может случиться видение. Ведь описывалось что-то похожее в маминых медицинских книжках. Причиной тому может служить и недостаток сна. Ведь точно было такое где-то написано, если есть воспоминания. Как же это называлось-то?.. Сложный термин. Гипнагогические галлюцинации! Верно! Вовсе не симптом безумия. Обычное дело. Просто кинофильм, демонстрируемый переутомившимся мозгом, не более того. А если подумать, не настолько сильно тот мираж был похож на лужу крови, скорее уж напоминал тень, а может, то лишь в глазах рябило от внезапного солнечного света. Рябь в глазах вообще не галлюцинация, а вполне естественное явление при ярком свете. Ну его к черту! Всякое бывает.

Как только удалось немного убедить себя и успокоиться, Эра обнаружила, что грызет кончик карандаша, уставившись в страницу учебника биологии, и снова, и снова пытается прочесть название параграфа. Стало быть, уже третий урок

на исходе. И не заметила, как время промчалось, да и в памяти почти ничего не отложилось. Вот она – глубокая задумчивость. Да ещё и не обратила внимания, что уже третий урок сидит за одной партой с Айжан, которая уже давно заметила неладное состояние девочки. Еще бы! Губы ощутимо дрожат, да и пальцы подрагивают, в маленькой точилке с зеркальцем отражается кружок мертвецки бледной кожи лица. «Чего же это я? Всего боюсь, из-за каждой мелочи нервничаю...» – подумала Эра, настойчиво продолжая вчитываться в текст учебника. Однако, даже выкинув из головы утреннее происшествие, сознание отказывалось переключиться на изучение особей членистоногих. На смену переживаниям из воспоминаний внезапно выплыла история о пропавших людях. Некоторое время девочка честно старалась поверхностно уловить информацию из прочитанного, но размышления о таинственных исчезновениях оказались куда более увлекательными и даже успокаивающими. Сосредоточенность окончательно рассеялась где-то между ракообразными и трахейными, буквы превратились в замысловатый, но ничего не значащий ряд символов. Глаза скакали по строчкам, мельком изучали рисунки, в то время как мозг был настроен на иную волну.

Однако, погрузившись в размышления, Эра испытывала противоречивые чувства. Странно, тем не менее, интерес к истории Айжан отличался от очарования тайной из какой-нибудь детективной книжки.

Что тут скажешь, книжка – это вымысел. Уже существующая от начала и до конца история. И на всякую загадку непременно прольется свет в финале романа. Говоря проще, в книжках-то загадка существует только ради интриги и обязательного объяснения на последних страницах.

Рассказы из вечерних выпусков не вызывают такого же интереса. Хроники убийств вызывают скорее неприятные ощущения, чем очаровывают. В то же время они рутинны и обыденны. Изо дня в день в мире происходит нечто неправильное, нехорошее, противоречивое. Это уже давно стало стабильным, даже внимание на эту реальность перестаешь обращать.

А вот история, рассказанная одноклассницей, была не похожа ни на то, ни на другое. С одной стороны, реальные события, не имеющие ни капли привлекательности, с другой – нечто важное, что никак нельзя было проигнорировать. Как-никак исчезновения, о которых рассказывала Айжан, происходили совсем рядом. На знакомых улицах. Это притупляло ощущение покоя и безопасности. Рядовые жители города, такие как сама Эра, просто исчезают. Никто не знает куда, никто не знает почему, никто понятия не имеет, кто или что за этим стоит.

А если подумать: кто может стоять за всем этим? Разумеется, какое-то зло. Ведь исчезновение человека вызывает только страх, волнение и прочие неприятные чувства. Если вот так исчезнет мама? Это будет ужасно! Конечно же, это

зло! А что такое зло?..

– Лера, – прошуршал чуждый для уха звук имени.

Вдруг, словно в тумане, вспыхнул яркий свет и тут же снова выявил знакомую обстановку классного кабинета биологии. Руки по-прежнему бестолково сжимают учебник, взгляд попусту буравит абзацы, а карандаш длинной сигаретой зажат в зубах. И как только удастся, не подключая волю, так искусно создавать вид работающего ученика, при этом полностью мысленно отсутствовать в классе?

– Эра, – снова позвала Айжан сбоку, на этот раз привычной.

– Что? – не вникая, откликнулась Эра.

Одноклассница ткнула пальцем чуть ниже груди девочки, указав на открытую тетрадь. «Практическая работа» – только два слова, написанные рукой Эры в самом верху листа. Всё это время ученики выполняли самостоятельную работу. Блин! Преподаватель отчетливо растолковал план задания – нужно было лишь прочесть параграф и составить конспект! В тетради Айжан исписано уже почти два листа.

– Ты бы хоть что-нибудь выписала для виду. А то за неработу на уроке могут двойку вклеить.

– Я успею, – сказала Эра, взяв в руку карандаш, уже ощущая, что засуетилась.

– Шесть минут до конца урока. О чем ты думала всё это время?

Девочка вздохнула:

– О многом... О пропажах людей тоже...

Каким-то странным стало выражение лица Айжан. Какая-то двойкая улыбка, ехидная и выражающая восхищение одновременно. Всегда казалось, что эту отрешенную от всего девочку так трудно заинтересовать, но, оказывается, вызвать интерес у неё могут всего на всего чужие размышления, не имеющие отношения к школьным заданиям. Возможно, в этот момент Эра стала её героем. От чего же ещё так вспыхнули её глаза? Наверное, она и не догадывалась раньше, что самая успевающая девочка в классе способна забыть об уроках, задумавшись о чем-либо другом. Должно быть, Эра теперь интересуется Айжан ещё больше. Думать об этом было приятно.

– А что в этом привлекательного? – поинтересовалась одноклассница.

– Сама не пойму, – угрюмо призналась Эра.

Девочка хотела добавить, что непременно хочет узнать об этом деле больше, но тут её мысли прервал хрипловатый кашель учителя. Юлия Александровна была строгой, но не лишенной деликатности.

– Алаева, Вы, должно быть, закончили, раз позволили себе болтать.

Ни для кого не была тайной новая манера преподавателя биологии переходить на Вы, когда она готовилась сделать замечание.

Её пытливый взгляд из-под не по возрасту модных очков

мог означать только желание заглянуть в тетрадку ученицы. Большие глаза скользнули и в сторону Айжан, давая понять, что её работа будет проверена следующей. Эра растеряно встала. Неужели она сейчас и вправду сунет под нос учителю пустую тетрадь? Ох, как же низко она упадет в глазах Юлии Александровны. Теперь и все одноклассники смотрели в сторону Эры, почувствовав её неуверенность. Ожидали чего-то эдакого. Сквозь плотно закрытую дверь просочилась негромкая трель – звонок, что дается только для учителя. Однако он оказался спасительным.

– Домашнее задание: закончить конспект, – сухо заключила немолодая женщина, обращаясь уже ко всем ученикам.

Глава 4. Гадость

Трудно сказать, в какой момент и с чего вдруг всё это началось и сколько продолжалось. Время сильно замедлило свой ход, уступая власть кошмару, который казался бесконечным. Сколько тянулось это мучение? Минуты? Часы? Эра будто оказалась в аду непрерывного страха и агонии. Её тело то взлетало вверх, то падало в пропасть, крутилось в воздухе волчком. Затем с невероятной силой ударилось о твердую поверхность. Этот удар должен был убить, но нет, кошмар не прекращался. Все мышцы сжималась от приступов нестерпимой боли. Хотелось кричать, но не было сил оторваться от холодной земли и открыть рот. В глазах – чернота. Девочка лежала ничком на земле и не могла даже пошевелиться. Невыносимая пытка. Всё тело парализовано болью. Нет чувств в руках и ногах, будто превратилась в сплошной пульсирующий от постоянной рези и колик комок. В какие-то моменты боль отступала на пару мгновений, но тут же возвращалась с нервными судорогами, принося ещё большие страдания. Каждый её нерв молил о передышке, а мозг кричал, что больше не в силах терпеть эти мучения: «Что происходит? Где я?!».

Наконец, заставив себя слегка приподнять голову, Эра увидела, что лежит на пустынной земле без единой травин-

ки. Сухая растрескавшаяся почва, похожая на панцирь гигантской черепахи, будто дрожала от холода. Вокруг простирался мрак: темно-синее небо, всё в беспокойных тучах, словно кипящий океан, черные стволы мертвых деревьев раскачивались на ветру, будто чьи-то костлявые руки пытались достать до бушующей выси. Страшный пейзаж. Мертвый и пустой. Словно и нет больше ничего в этом мире. Только этот мрак, сухая земля, гнилые деревья и только эти гадкие птицы – единственный признак жизни. Целый вихрь черных птиц, похожих на ворон, только гораздо крупнее. Они оглушительно кричали, и эти звуки не походили на обычное карканье, казалось, что все они наперебой выкрикивают: «Эр-ра! Эр-ра!». Девочка попыталась подняться, но сил хватило лишь для того, чтобы встать на колени. Вдруг боль сосредоточилась в груди. Эра ощутила, как что-то упругое и сильное рвалось в страшных конвульсиях. Нечто инородное. Большой ком. Толчок, ещё толчок. Тело пытается извергнуть что-то чужое изнутри. Или это что-то живое само желает освободиться. Дикая боль. Девочка вскрикнула, что было силы. Грудная клетка разорвалась, словно натянутая ткань. Всплеск крови, и скользкий ком, вырвавшись, скользнул прочь в темноту. Эра снова рухнула ничком, потеряв сознание. Лишь в последние мгновения сумев заметить скользкую тень среди силуэтов гнилых стволов.

Снова растревожила боль, но уже не такая сильная. Будто плоть, избавившись от живой гадости, позволила себе глубо-

кий вздох. Девочка, опершись на руки, встала на четвереньки. Мышцы на руках выступили тугими узлами.

«Где я?» – озадачился измученный рассудок.

Эра огляделась по сторонам. Черт возьми, это же старый городской парк! Трудно было поверить, что такое красивое место может так исказиться. Не здесь ли она так часто гуляла с мамой?

Мама... Где же она? Не было ли всё, ранее пережитое, сном? Уютная квартира, школа, мама... Как ужасна эта реальность, в которой проснулась Эра.

– Мне больно, мне очень больно, – простонала девочка без надежды на то, что её жалобные стоны будут услышаны. – Хочу домой, хочу к маме!

Она не слышала собственного голоса. В ушах звенели лишь крики черной стаи. И где-то совсем рядом находилось что-то опасное. Нечто страшное металось среди деревьев, но не показывало свой отвратительный лик. Только его плоский силуэт мелькал в круговороте теней черных крыльев. Отдаляясь, его черная фигура на земле становилась приземистой и тучной, проносясь рядом, казалась длинной и плоской. Само существо не приближалось, оно бежало где-то среди деревьев, но его тень чернела совсем рядом, словно подкрадывалась, опережая хищника, которому принадлежала. Гадкая скользкая тень. Насколько же омерзителен её хозяин!

Эра зажмурилась и закрыла уши руками, ей не хотелось больше видеть бушующее небо, слышать страшный шум

хлопающих крыльев и этот хрип страшного существа, что, как шакал, дожидается, когда израненная жертва отдаст концы. От этой бешеной карусели у Эры закружилась голова. Стоять на коленях не было сил. Девочка упала лицом на землю. И пусть. Лучше не видеть этого кошмара.

– Прочь! Пошли прочь, проклятые птицы! – вдруг воскликнул кто-то.

Незнакомый женский голос. Но было в нем что-то родное. Спасительное. Чья-то рука мягко коснулась её затылка. Девочка вздрогнула, однако тут же смекнула, что это не то темное существо. Эра рывком перевернулась на спину. Над ней кто-то стоял. Тонкая фигура четко вырисовывалось на фоне темного неба.

– Прочь! Прочь! – надрывалась незнакомка, размахивая руками. Её длинные черные волосы слегка покачивались.

– Помоги мне, – взмолилась девочка.

Из мглы выплыло лицо полное сострадания. Молодое красивое лицо, бледное, будто из мрамора. Даже мрак уступал его белизне.

– Всё хорошо, – беззвучно прошептали губы.

– Плохо! Мне очень больно! – сипло проговорила Эра.

Птичья свора не унималась, но голоса, пробиваясь сквозь сплошной поток криков, звучали отчетливо. Молодая девушка присела на одно колено. Выражение её глаз казалось таким знакомым. Так мамы смотрят на своих детей, когда они нездоровы.

– Взрослеть больно? – неясно произнесла незнакомка.

– О чем ты? – прохрипела Эра.

– Твоё тело меняется.

Мягкая рука коснулась щеки девочки. Эра дернула головой.

– Перестань! Кто ты такая?

Глаза девушки округлились.

– Ты не знаешь, кто я? Удивительно. Я знала, что так будет.

Странно, незнакомка говорила очень тихо, но это не мешало Эре слышать каждое её слово, несмотря на оглушительный шум, словно голос девушки звучал в её разуме.

– Уходи, – выдавила из себя девочка. – Оставь меня. Не трогай. Я умру!

– Нет, нет, не умрешь! Ты не можешь умереть – ты бессмертна!

– Кто ты? – снова спросила девочка.

– Меня зовут Лая. Неужели совсем ничего не помнишь? Знаю! Ты потеряла своё оружие? Где оно?

Эра не понимала, о чем говорила девушка. Однако она, судя по всему, не просто болтала попусту. Незнакомка, очевидно, что-то знает о её прошлом, быть может, даже всё. Но почему не объяснит? Почему не растолкует как следует?

Где-то совсем рядом хрипел шакал. В его судорожном дыхании угадывалось вождение. Это опасное существо было готово напасть, наброситься на живую добычу и растерзать

за долю секунды. Но он не приближался. Словно и сам опасался чего-то.

– Уходи! Оно нас разорвет! – выкрикнула девочка, дернув плечом.

– Успокойся, здесь только мы, – голос девушки стал тверже. – Тут никого больше нет.

– Зачем ты пришла?!

– Просто хотела увидеть тебя.

– Кто ты? И-и.. И кто я?

– Ты всё вспомнишь. Попробуй вспомнить... Где ты потеряла своё оружие?

Девочка хотела вспылить и сказать, что ни слова не понимает. Но вдруг вспомнила, что действительно потеряла что-то. Чего-то недостает. Того, что всегда было с ней, словно её неотъемлемая часть.

– Ищи. Иначе пропадешь.

Девушка поднялась с колен и, повернувшись спиной к Эре, медленно побрела в глубь мертвого парка.

– Стой! Ты куда? – закричала ей в след девочка.

– Я ухожу. Не могу долго оставаться с тобой. Мы ещё увидимся, но не могу сказать, когда. Я вне времени и не умею в нем ориентироваться.

Девушка уходила всё дальше и дальше, но её голос не отдалялся, словно она по-прежнему стояла рядом.

– Стой, я хочу спросить...

– Спросишь, когда увидимся снова. Но подготовься и чет-

ко помни, что именно хочешь узнать. Наши встречи не будут долгими.

«Эр-ра! Эр-ра! Эр-ра!» – звали птицы, кружившие под темно-синим небом.

Девочка хотела подняться, догнать незнакомку, но не могла. Она рванулась всем телом. Каждое движение причиняло ей боль. Лицо её покраснело, на лбу выступил пот; дыхание сбилось, так как она прикладывала все силы, чтобы подняться на ноги. Но что-то давило на неё, прижимало обратно к земле.

«Ну и пусть уходит! Не страшно оставаться одной. Ведь всё вокруг ненастоящее! И этот изуродованный парк, и та гадкая тень, что по-прежнему таится где-то поблизости. И эти птицы, и небо, и эта невыносимая боль! – Эра зажмурилась. – Нет! Всё это ненастоящее. Ну когда же я, наконец, проснусь?!».

Свет. Потолок. И всё та же боль. Очнувшись, Эра ещё долго лежала без движений под промокшим от пота одеялом. За окном уже взошло солнце, и сквозь прозрачную тюль в комнату пробивались солнечные лучи. Отходя от шока, девочка лихорадочно перебирала в голове образы, пытаясь вспомнить детали сна. К её удивлению, сделать это оказалось совсем несложно. Редко когда сновидения запоминаются от начала и до конца, а образы остаются четкими и каждое слово героев сна врезается в память. Эра отчетливо пом-

нила тот изуродованный пейзаж школьного парка, черных птиц, ту черную тень. Но та девушка запомнилась больше всего. Волосы, похожие на черный бархат, светлое лицо, её спокойные брови, слегка подрагивающие тени от длинных ресниц на белых щеках. Вряд ли такое лицо мог выдумать разум Эры. Возможно, она когда-то уже видела эту девушку. Теперь, когда девочка вспомнила каждое мгновение сна детально, ей больше не хотелось думать о нем. Сон растаял с наступлением утра, но оставил после себя неприятный осадок. И эта боль... Она не исчезла. Нижнюю часть тела будто пронизывали спицы, в ногах ощущалась неприятная тяжесть пульсации кровеносных сосудов.

Эра резким движением руки сбросила с себя липкое одеяло. Пылающее тело обдало прохладой. Казалось, что и боль утихла. Девочка приподняла голову и, опираясь на руки, попыталась сесть, и тут её глаза будто остекленели. Эра рухнула головой на подушку, на миг зажмурила глаза и, снова подняв голову, уставилась на свои ноги. Грудь сдавило от страха. Девочка не могла поверить своим глазам... Кровавое пятно! Такое же, как и в школьном парке, то самое, которое не видят другие люди, снова вспыхнуло перед её взором. Но более реальное. Оно имело запах. Резкий, металлический запах, терпкий и неприятный. Наваждение, явившееся вчера, не оставило Эру в покое. Кровавое пятно снова добралось до неё. Въелось в разум. Проникло прямо в постель, расползлось по её пижаме, пропитало насквозь простыню и теперь,

наверное, не исчезнет уже никогда!

– Мама! – истошно завопила Эра, она чувствовала себя такой беспомощной, что слезы хлынули из её глаз. – Мама!

В соседней комнате послышалась возня, а затем торопливые шаги. В комнату ворвалась растерянная Инна. В халате, наспех запахнутом на левую сторону, с непричесанными волосами она выглядела непривычно.

– Мама, посмотри на меня! Посмотри! – кричала Эра.

Правой рукой она коснулась края пижамной рубашки, там, где ткань была пропитана кровью, и протянула вперед испачканную ладонь.

– Мама, ты видишь это?

Инна удивленно хлопала сонными глазами. Она смотрела на свою дочь с таким же недоумением, как и Айжан. Неужели и она не видит?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.